

ЙОГМН / рассказ

Category: Heкаýalar, Kitарсу

написано kitарсу | 24 января, 2025

ЙОГМН / рассказ ЙОГМН

1.

Если вспомнить про село и про белых голых лошадей, то будет, наверное, неправильно. Лошади голые всегда. Они бегут. А сзади у них хвосты. И еще у них смешные девичьи челки и задорные глаза. На карете приезжал барин, он же повар и он же доктор. У него был черно-коричневый, как ноготь, саквояж. Он приезжал лечить маленькую девочку, он хотел дать ей ртуть.

Он тогда спрыгнул залихватски, взмахивая фалдами, как стриж, и побежал на коротких белых, панталонных, побежал в теплый дом, где мать и отец бились над больной. И вдруг он вошел, шикарный такой доктор, он же повар и барин. Он должен был спасти ее, задыхающуюся от раздрающего горло кашля. Он должен был дать ей ртуть, тяжелую, глубокую и блестящую.

– Что это? – спросил отец.

– Это лекарство.

– Это же ртуть? – сказала мать.

– Конечно, – ответил он, вливая девочке глубоко в рот.

Голые лошади стояли во дворе, они ждали, когда доктор выскочит из теплого дома и снова наподдаст им по попочкам, свистнет и крикнет «н-но!», и тогда они, сломя голову, понесутся обратно по буеракам, по оврагам, по полям, и доктор будет узко и больно настегивать, надавать им жару, чтобы они подпрыгивали резвее.

2.

Ботинки, туфли, сапоги. А в джинсах спрятаны сладкие, что пора уже и начинать. Стягивать джинсики, стягивать трусики. И привязывать. Месяц, луна закрылись с головой и тихо ждали в темноте. А звезды гуляли, прогуливались под руку с троллейбусами, и тихо-тихо целовались со светофорами облака,

шурша, что не могут проснуться.

Так доктор шел в обратную сторону по проспекту, огибая раскрытые черные люки. Он, конечно же, знал, что девочка не пропадет. Просто она стоит где-нибудь на красном, и ее как бы не пускает красное письмо, круглое ребристое красное письмо красного цвета. Жадные троллейбусы подтверждают шинами, что, конечно же, переходить нельзя. Ступишь на проезжую – раздавят, как апельсин. Вот и девочка – она должна подождать.

«Просто порка, – с облегчением подумал доктор, замечая одинокую и маленькую фигурку на светофоре. – Ибо не ртуть. Это же не больно, это, как когда дует, это и почти не настоящее. А надо, чтобы настоящее».

В саквояже, кроме ртути были еще и розги, и они уже выглядывали из футлярчиков, маленькие такие, выдвижные, с черненькими глазками, как будто радовались уже, что вскоре можно будет сладко попороть. Что будет движение, будет боль, а, значит, и соль, и варенье. Жизнь, да, жизнь!

Доктор попытался угадать – куда же она идет? – и приготовился к круглой музыкальной комнате, где в узких коридорах можно будет приспустить, зажимая рот девочке рукой.

Все, однако, оказалось гораздо проще. Наплывало стеклянное здание бассейна, тихое в прохладных солнечных лучах. Солнце, стыдящееся, садящееся где-то за деревьями, как на корточках, что и звездочки уже видны, и месяц, пьяный, как в стекле, а солнце с созревающей такой, красненькой такой, багряной такой, надраенной за газопроводом...

Именно сталь и бетон, и широкие плоские стекла, за которыми голубая, разделенная на плавание, вода; тела плавающих самих в резиновых шапочках, а под водой их раздвигающиеся ляжки – вполне себе современное место для экзекуций, почти идеальное. В раздевалке, кстати, шкафчики и душ. Попочку можно потом и обмыть.

3.

Рейс был ровно на двадцать три, регистрация в двадцать один. До аэропорта на такси. Стюардесса принесет джин с тоником и

наконец-то можно будет расслабиться. Наконец-то хоть кого-то вылечил. Скоро и в иллюминаторе взойдет утренняя звезда. Конечно, доктор совершил злодеяние, но ведь он же и повар, и барин, а теперь еще и пьет джин. И крутится, крутится в памяти кинофильм, как все тонко и виртуозно получилось. Как смачно и плоско прикладывалась розга, и как маленькая и голенькая дрожала... Странное, нестерпимое удовольствие доктора и, конечно же, повара, что остается только загадочно улыбнуться – а джин не так уж и плох!

4.

«Ты далеко зашел».

«Ты тоже».

«Все же решился?»

«Но это не ртуть».

«Зато черта, за которой многое может измениться».

«Я куплю резиновую шапочку и очки».

5.

На диване в фойе бассейна на него уже косились две дамы.

– Какой-то стал странный, – продолжала разговор одна.

– Он не играет в покер?

– С чего ты взяла?

– У него блеск в глазах.

Оставляя невпопад след в памяти дам, доктор, однако, уже продвигался дальше. Это потом, когда его будут ловить, а он будет прыгать через кожаные кресла и кричать: «Я ни в чем не виноват!» – это потом, когда его схватят и будут выламывать ему руки за спиной, и дамы будут с удовлетворением вслушиваться в треск его ломаемых суставов, будут вглядываться, как он корчится на полу, это потом дамы признают, что, конечно же, они видели, как он вошел вслед за девочкой, и еще тогда он показался им подозрительным.

Жаль, что барина нельзя привязать к лошадям и рвануть в разные стороны. Блеск казни – Средневековые забавы. Ему дадут всего-навсего двадцать лет, красавица-судья, волоокая женщина в

черной шапочке, в черной мантии, без трусов, и письменный стол приговора – на железобетонные работы. Вот он, стирающий вдохновение ежедневный наждак труда. И православный Бог, который рано или поздно простит.

6.

Гул плавательного бассейна, плеск, шум, гам, резкие команды, оглушительные хлопки в ладоши, свиной тренерский свисток, шорох-шипение воды, разрезаемой пловцами, кроль с задиранием, брасс с подныриванием, чья-то резиновая шапочка и очки...

Пловцы уже вовсю разгружались телами, истирая о сопротивление водной стихии ровную офисную дрянь. «Вы обещали подготовить документы к четверем», «мы договаривались на четверг». Медленно, загадочно, как комары,плыли домохозяйки, с вожделием разглядывая молодых клерков. У борта бассейна тренер-кавказец какой-то длинной палкой, очевидно, поддерживающей, с полуобручем на конце, учил девочку плавать. Иногда он отводил палку назад, хлопал в ладоши и кричал. На другом конце бассейна пасовались здоровенные ватерполисты, пушечно метая друг на друга оранжевый тяжелый мяч. И над всей этой нестерпимо кишачей поверхностью возвышалась черная – для прыжков – многоярусная вышка.

«Лучше бы, конечно, в подсобке».

«Притянуть ремнями в дальнем углу».

«Маленькую и голенькую».

«С вытянутыми ножками».

«С вышки не прельщает».

«Но ведь без высокого нет и низкого».

Снизу закричали. По скользкому кафелю уже семенил кавказец.

– Э-ээ, тэ, на вышка! Пры-га-ат за-а-а-прэ-э-э-щэ-э-но-о-о-о!!!

Но доктор уже отделялся.

И отделялся и повар.

И барин.

Они медленно начинали свой путь.

7.

- Сама или помочь?
- Я-а-ааа...
- Сопли собери.
- Па-жа-а-луйста, ни на-до-о!
- Будет.
- Я ни хачу-у-уу!!
- Не реви!
- Бо-ольно!!
- Да не ори ты!
- Па-жа-луйста!!!..
- Нет уж, получай!
- Ус-су-у-круг-му...
- Н-на тебе!
- Уум-мм...
- Нн-на еще!
- Ии-сс...
- Н-на тебе сырых!..
- Ыы-ы...
- Н-на горяченьких!..
- ...
- Н-на мокреньких!

8.

Она уже забирала штурвал на себя, болезненно вжимаясь ягодицами в шершавую обивку пилотного кресла. В переднее широкое стекло авиалайнера раздирающе ярко струилась утренняя звезда. И теперь все казалось как-то совсем иначе.

Самолет давно уже прорезал небеса.

Звезда слепила, словно не разрешая закрыть глаза, ослепляла, изнуряя от невозможности выворачивать наизнанку самую сердцевину, самую суть зрения.

В голубом салоне, с широко раскрытым ртом спал доктор, он же барин и повар. Салон был пуст. Перелетающие из одного пункта назначения в другой словно бы исчезли из своих сновидений.

Далеко внизу под крыльями авиалайнера струились влажные темные джунгли. Где-то там, в глубине, – с отблесками костра на

старых и мудрых лицах – сидели на корточках жрецы. Оставив лайнер на попечение автопилота – безличная совокупность электронных средств, сверяющихся с синтаксисом безупречно и бессмысленно рассчитанной программы, – девочка оторвала изнуренные розгами ягодицы от присохших шерстинок. И неуклюже, болезненно заковыляла в салон.

И уже не ногти, а ножницы, маленькие и сверкающие ножницы прорастали из ее маленьких и нежных сосисок.

Доктор глубоко и проникновенно спал в четвертом ряду.

– Почему, гад, ты меня даже не изнасиловал?! – громко, на весь салон, закричала девочка, подойдя к его креслу.

И пустеющие пассажиры уже тревожно просыпались от ее крика, обретая невидимые свои до сих пор очертания.

Доктор, однако, по-прежнему глубоко спал. Он же был и барин, и повар. И он лишь слегка прикрыл, слегка сузил, как в каком-то изумительном двойном глотке свои губы, освобождая горло от происхождения слюны.

– Хотя бы поцеловал... – заплакала она.

Глубоко внизу, под авиалайнером, в соляной каменной чаше плавало неиспользованное.

Поравнявшись с утренней звездой, авиалайнер резко пошел вниз.

И когда доктор, вдруг обвиснув на ремнях, раскрыл, наконец, глаза – а над его головой, под самым потолком накрененного вниз фюзеляжа, проносилась в этот миг вверх ногами стюардесса, та самая, что подносила джин – и когда несравненный ни с чем шум реальности ворвался, наконец, в уши повара, заглушая крики и рыдания наполнивших свои до сих пор незаметные контуры пассажиров, и когда дама, кричавшая в мобильник рядом, внезапно обмякла и потеряла сознание, а трубка, выскользнувшая из ее руки, почему-то не упала, и зависла под потолком салона...

9.

– Йогмн, – сказал жрец, сидящий на корточках у костра.

Открыли бамбуковую клетку. Белая птица билась на соломе. Вытащили и разложили перед жрецом. Вымазали черным маленькое случёное отверстие.

Жрец встал, долго шептал. И, наконец, шумно и сильно насел.
Джунгли за рекой вздрогнули от удара.
Миллиарды птиц сорвались со своих ветвей.
Закричали стада обезьян.
Заревел одинокий бизон.
А жрец уже обмякал всем своим толстым, измазанным на
маленькое, на случёное.

10.

– Сладко выспались? – прошелестело доброжелательно.
Самолетный двигатель по-прежнему тихо и безразлично пел.
Улыбающееся напوماженное лицо в синей фирменной пилотке с
крылышками накрелялось совсем близко. Запахло – подло –
жевательной резинкой.
– Скоро Буэнос-Айрес?! – взбудоражено выкрикнул доктор, он же
повар и барин.
– Через четырнадцать часов, – засмеялось напудренное лицо.

Об авторе: АНДРЕЙ БЫЧКОВ

Родился в Москве. Окончил физфак МГУ, Высшие курсы сценаристов
и режиссеров, учился на гештальт-терапевта. Защитил
диссертацию по физике элементарных частиц. Автор 8-ми книг
прозы в России и 5-ти на Западе («На золотых дождях», «Ловец»,
«Нано и порно» и др.). Лауреат премий «Нонконформизм», «The
Franc-tireur Silver Bullet» и др. Финалист премий «Антибукер»,
им. Андрея Белого и др. Автор киносценариев и пьес,
удостоенных множества призов и поставленных в разных странах.
Neкаýalar